

И. А. Головнев, Е. В. Головнева
ФРОНТИРНЫЙ ДИСКУРС В ТВОРЧЕСТВЕ В. К. АРСЕНЬЕВА*

doi: 10.30759/1728-9718-2019-3(64)-40-48

УДК 82.09 ББК 83.3(2)

В статье в методологическом плане эксплицируется понятие «фронтирный дискурс» и демонстрируются возможности его применения на материале творчества В. К. Арсеньева (1872–1930). Научные и литературные тексты В. Арсеньева — писателя, путешественника и исследователя Дальнего Востока, автора литературного бестселлера «Дерсу Узала» — уже на протяжении длительного времени являются важным источником для конструирования образа Дальнего Востока как «отдаленного» края Российской империи и СССР, обладающего своей спецификой и фронтирными чертами. В русле фронтирной методологии исследования, на основе анализа литературных текстов писателя, не публиковавшихся ранее архивных материалов и визуально-антропологических источников (архивные фотографии, авторские рисунки в полевых дневниках, документальное кино) авторы выделяют ключевые линии осмысления Дальнего Востока в произведениях В. Арсеньева, а также исследуют его деятельность в сфере художественного творчества и кинематографа. Дальний Восток в творчестве писателя предстает как край, отмечающийся своей природной исключительностью, этнокультурной неоднородностью, переселенческим характером и нарративом «окраинности». Показываются истоки и контекст формирования фронтирного дискурса в биографии В. Арсеньева, выявляются сопутствующие этому дискурсу основные арсеньевские темы и сюжеты («Лес», «Горы», «Море», «Дерсу Узала», «Переселенцы», «Пограничность»). Природная, этнокультурная, переселенческая, «окраинная» линии, выделенные в творчестве В. Арсеньева, рассматриваются как факторы структурного порядка, обеспечивающие воспроизводство фронтирного дискурса о Дальнем Востоке.

Ключевые слова: *фронтир, фронтирный дискурс, образ территории, Дальний Восток, В. К. Арсеньев*

*Ты мой учитель, мой утешитель и друг,
 Ты мой храм и моя Родина —
 Шумящий, шелестящий лес.*

Владимир Арсеньев

Творчество Владимира Клавдиевича Арсеньева (1872–1930) — писателя и исследователя Дальнего Востока, автора литературного бестселлера «Дерсу Узала» и других книг (свыше 60 работ), символично названного М. Горьким «русским Фенимором Купером», — интересно не только в сугубо научном (этнографическом, географическом, естественнонаучном) плане. Оно имеет боль-

шое значение в контексте изучения конструирования художественного образа Дальнего Востока, формирования в общественном сознании довольно устойчивых стереотипных представлений о дальневосточном крае. Ранее в ряде работ было показано, что именно благодаря глубоким арсеньевским исследованиям Дальнего Востока этот край в художественной литературе и массовом сознании приобрел черты метафорического понятия, концепта, содержащего разные уровни его осмысления (пространственный, географический, ландшафтный, этнокультурный и т. п.).¹

В данной работе представляется возможным дополнить уже имеющиеся идеи, связанные с конструированием образа территории

Головнев Иван Андреевич — к.и.н., Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
 E-mail: ethnokino@gmail.com

Головнева Елена Валентиновна — к.филос.н., Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
 E-mail: golovneva.elena@gmail.com

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-59-23007 «Опыты изучения и визуальной репрезентации фронтирных территорий России и СССР в визуальной антропологии первой половины XX века: на примере исследований российских и венгерских ученых и кинематографистов» (рук. Е. В. Головнева)

¹ См.: Головнева Е. В., Мартишина Н. И. «Владеть Востоком»: конструирование образа региона в творчестве В. К. Арсеньева // Сибирские исторические исследования. 2018. № 1. С. 200–218; Головнев И. А. Владимир Арсеньев и кино // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 3 (42). С. 50–64; Он же. «Лесные люди» — феномен советского этнографического кино // Этнографическое обозрение. 2016. № 2. С. 83–98.

в творчестве В. Арсеньева, обратившись к так называемой фронтирной методологии исследования — через выделение и анализ особого фронтирного дискурса в его наследии.

В качестве источников использованы материалы архива Общества изучения Амурского края (г. Владивосток), наиболее ценными из которых являются экспедиционные дневники В. Арсеньева (с 1906 по 1927 гг.), литературные произведения писателя, изданные в серии «Собрание сочинений» а также визуально-антропологические материалы, в том числе документальный фильм «Дальневосточная одиссея Владимира Арсеньева» (реж. И. Головнев, 2018).

О фронтирном дискурсе

Прежде всего при анализе темы фронта в произведениях В. К. Арсеньева методологически значимым является уточнение полного содержания самого термина «фронтирный дискурс». Особый интерес здесь представляет рассмотрение связности понятий «дискурс» и «фронтир».

Наиболее полный анализ смысловой нагрузки понятия «дискурс» представлен в исследованиях постструктуралистов. Он позволяет заключить, что ключевым моментом содержания термина «дискурс» является идея определенного образа мышления, проявленного словесно (М. Фуко).² Дискурс может рассматриваться как некая совокупность принятых в определенных социокультурных обстоятельствах способов говорения, а также как совокупность действий, обусловленных этими способами. Согласно М. Фуко, любой дискурс является практикой, которая систематически формирует объекты, о которых они (дискурсы) говорят.³ В дискурсах различным образом «снимаются» контуры объекта, продуцируются различные образы, схватывающие его отдельные черты. Применительно к изучению образа территорий дискурсы являются не просто языком их самоописания, но до некоторой степени способом их конструирования.

Под «фронтиром» в философско-культурологических исследованиях понимается не столько физическое, сколько культурно-антропологическое пространство. Фронтир как «подвижная граница» — это всегда встреча двух и более качеств, вещей и определенностей. Введенный в научный оборот еще

в 1890-х гг. Ф. Дж. Тернером, термин «фронтир» в современных научных исследованиях приобретает особый смысл, дополняющий и уточняющий понятие «граница», которое, следуя гегелевской трактовке, рассматривается как «приведение в порядок» всего сущего, как принцип гармоничного оформления объекта.⁴ Фронтир понимается как «квазиграница», контактная зона, пространственно локализованный процесс перехода, ландшафтно-детерминированный стереотип поведения. Фронтирные территории характеризуются рядом особенностей: первозданной природой, крайним расположением, «проектизмом», военной экспансией, «маскулинным характером», этнокультурной неоднородностью, несформированностью местного населения, его мобильностью.⁵ Фронтир в конструктивистской трактовке — это культурологический дискурс, описывающий мир человека, находящегося в зоне «встречи культур», переживающего взаимное расположение объектов фронтирной территории относительно себя и в связи с собой. Эта тематика в настоящее время является значимым методологическим аспектом разработки культурной географии.⁶

Как «окраинная» территория Российской империи Дальний Восток, безусловно, содержит в себе черты фронта. В философско-культурологическом аспекте особенность этого края маркируется следующими чертами: 1) природно-географическими (Дальний Восток — это пространство, образующее в ландшафтном плане «островной» тип, сопки; пространство, связывающее в одну речно-морскую коммуникационную группу реки Амур и Уссури, бассейны Охотского моря, имеющего выход в Тихий Океан, и Японского моря); 2) геополитическими и культурными (Дальний Восток отличается сильной удаленностью от мест расположения культурных и исторических ценностей России (на других территориях факт разницы часовых поясов, к примеру, не так существенен) и важностью внутренних коммуникаций и коммуникаций со странами АТР); 3) историческими (Дальний Восток имеет свою, отличную от сопредельных регионов, историю, включающую даже опыт существования

⁴ См.: Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. М., 1970. Т. 1. С. 189.

⁵ См.: Басалаева И. П. Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 46–49.

⁶ См.: Мясникова Л. А. Культурная география: философско-культурологический поворот в методологии изучения территорий // Вестн. Гуманит. ун-та. 2016. № 2 (13). С. 100–105.

² См.: Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.

³ Там же. С. 50.

«марионеточного», но все же формально независимого государства (1920–1922)). На Дальнем Востоке исторически сложилась более высокая, по сравнению с другими регионами, миграционная активность населения, определяемая как «проточность». ⁷ Наконец, важно отметить, что и сами жители Дальнего Востока идентифицируют себя как отдельное региональное сообщество, существующее на собственных основаниях, что закрепляется и в самоназвании («дальневосточники», «жители Приморья»). Современный Дальний Восток представляет собой один из перспективных российских регионов с уникальными природными парками, полезными ископаемыми, морскими и лесными ресурсами, строящимся космодромом и развитыми городами.

Рассмотрим, каким образом черты фронтирного дискурса реализуются в творчестве В. К. Арсеньева, волею судьбы оказавшегося на окраине Российской империи и ставшего исследователем фронтирной территории.

В стране Дерсу Узала

Биография В. К. Арсеньева литературна и кинематографична. В ней сходятся географические пределы (столичный Петербург и дальневосточная окраина) и исторические эпохи (Российская империя и Советский Союз), военные походы и географические открытия, научные исследования и литературное творчество.

Родившийся и выросший в Санкт-Петербурге, в семье железнодорожного служащего, В. Арсеньев под влиянием преподавателя М. Е. Грумм-Гржимайло увлекается географией. После окончания юнкерского училища и прохождения военной практики по личному рапорту он распределяется во Владивосток — в то время небольшое пограничное портовое поселение, где около десятка тихих улиц с приземистыми деревянными строениями граничили с морем и тайгой.

В. Арсеньев, кадровый офицер, соединяет службу с исследованиями: ведет топографическую съемку, делает замеры высот, подсчитывает расстояния между отдельными пунктами, составляет первые карты прежде не исследованных дальневосточных территорий. Он собирает сведения по археологии, этнографии и экономике края; изучает метеорологию и

астрономию, флору и фауну уникально разнообразного в природном плане региона. Материалы комплексных исследований «неведанной земли», систематизированные В. Арсеньевым в полевых дневниках, активно издаются в России и за рубежом. ⁸ По свидетельствам биографов писателя, Дальний Восток буквально открывается и оживает на страницах его книг («По Уссурийскому Краю», «Дерсу Узала», «В горах Сихоте-Алиня», «Сквозь тайгу» и др.). ⁹

Вклад В. Арсеньева в культуру России уникален и многогранен. Основной объем материалов о его творчестве хранится в архивах Русского географического общества (в его родном Санкт-Петербурге и во Владивостоке — на его второй родине). С одной стороны, имя В. Арсеньева стоит в одном ряду с именами великих путешественников-первопроходцев — Н. М. Пржевальского, Н. Н. Миклухо-Маклая, П. П. Семенова-Тянь-Шанского и др. С другой стороны, его повести и романы входят в классическое литературное наследие. Личность В. Арсеньева и его творчество были высоко оценены коллегами по писательскому цеху — М. Горьким и А. Платоновым, С. Маршаком и В. Шкловским, А. Фадеевым и К. Симоновым. М. Пришвин, буквально влюбившийся благодаря текстам В. Арсеньева в Дальний Восток, называл его талант «реликтовым». По его словам, «Арсеньев обладал подсознательным чувством природной красоты, и его писательство — как процесс и духовный акт — предельно обнажено». ¹⁰

Биографы В. Арсеньева свидетельствуют о том, что встречи с первозданной природой и «первобытными» культурами Дальнего Востока буквально перевернули мировоззрение путешественника. ¹¹ То, что не вмещалось в скупых научных отчетах, писатель выражал на страницах своих литературных произведений. Вся жизнь В. Арсеньева на Дальнем Востоке была своего рода экспедицией, длившейся непрерывно в течение 30 лет, несмотря на смену политического строя в стране. Приморье, бассейн Амура, горный хребет Сихотэ-Алиня, Камчатка, Чукотка, Командорские острова

⁸ См.: Хисамутдинов А. А. Личная библиотека В. К. Арсеньева // Библиоковедение. 2016. № 65 (3). С. 308–313.

⁹ См.: Аристов Ф. Ф. В. К. Арсеньев (Уссурийский) // Дальний Восток. 1974. № 9. С. 132; Аргудяева Ю. В. В. К. Арсеньев — путешественник и этнограф. Русские Приамурья и Приморья в исследованиях В. К. Арсеньева: материалы, комментарии. Владивосток, 2007.

¹⁰ Цит. по: Тарасова А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. Владивосток, 2012. С. 102.

¹¹ АОИАК. Ф. 14. Оп. 6. Д. 112. Л. 140.

⁷ Говорухин Г. Э., Ярулин И. Ф. Дальний Восток: история освоения и история утраты (социологический подход) // Вестн. Тихоокеан. гос. ун-та. 2009. № 1 (12). С. 160.

и другие территории Дальнего Востока были пройдены им вдоль и поперек. В. Арсеньев не сочинял свои книги — он их проживал. По его словам, «как в грандиозном кинематографе сменяются картины одни другими: охота, инородцы, приключения, новости и открытия... Все это вознаграждает путешественника за те лишения, трудности и опасности, которым он неизбежно должен подвергнуться во время пути в стране дикой и малоизведанной».¹²

Творчество В. Арсеньева, помимо прочего, было тесно связано с кинематографом. Писатель мечтал популяризовать природные и культурные богатства дальневосточного края средствами кино. Еще в дореволюционное время В. Арсеньев выступал консультантом группы фабрики «Ханжонков и К^о», работавшей над созданием фильма о природе Приморья. В 1920-х гг. он тесно сотрудничал с режиссером Александром Литвиновым, был автором сценария и редактором серии классических документальных фильмов о коренных жителях Дальнего Востока, самым известным из которых является фильм «Лесные люди» (в нем снят и сам В. Арсеньев). Впоследствии А. Литвинов отмечал: «Его (Арсеньева) не было с нами, но каждый наш шаг в глубь тайги прокладывался его именем. Трудно представить себе, как велико его обаяние для туземцев. Узнав, что мы — друзья Арсеньева, они всячески нам помогали и участвовали в съемках».¹³ Фильмы, снятые при научном консультировании В. Арсеньева, имели колоссальный успех, открывали зрителю новые для восприятия отдаленные территории огромной страны.

Литературные тексты В. Арсеньева неслучайно вызывали интерес кинематографистов и неоднократно экранизировались. В. Арсеньев был писателем с визуальным «акцентом». Его полевые тетради — это синтетические коллажи, состоящие из текстов и изобразительных элементов (вырезок из бересты, рисунков, схем, карт, фотографий). В каждую экспедицию, педантично оптимизируя вес снаряжения, он непременно брал фотокамеру и запас пленки. Исследователь снимал портреты «лесных людей», сцены из их быта, природное окружение — словно «делал пробы» персонажей и натуры для своих будущих литературных произведений. В арсеньевских архивах (в Приморском отделении Русского

географического общества) осталось множество «кадров» его будущих романов; есть в них и особая папка с изображениями Дерсу Узала.

Путешествия с проводником-охотником Дерсу Узала являются одними из самых ярких эпизодов арсеньевских экспедиций, оформленных в дальнейшем в литературное произведение. Роман «Дерсу Узала» неоднократно экранизировался: в 1961 г. был создан игровой кинофильм А. Бабаяна «Дерсу Узала» по мотивам произведений В. Арсеньева («Дерсу Узала», «По Уссурийскому краю» и др.); в 1975 г. «Мосфильм» выпустил кинокартину «Дерсу Узала» в постановке классика мирового кино А. Куросавы, получившую множество наград, среди которых Главный приз Московского кинофестиваля и приз американской киноакадемии «Оскар» за лучший фильм на иностранном языке.

«Я очень уважаю Арсеньева как художника. Как и другие творцы русской литературы, он обладает способностью глубоко проникать в человеческие души»,¹⁴ — вспоминал кинорежиссер А. Куросава. «Дерсу — это дружба, чистота помыслов и действий, доброжелательность, гармония и любовь к окружающим людям и природе!»¹⁵ — эмоционально отзывался о своем персонаже исполнитель роли Дерсу Узала актер М. Мунзук. По словам Ю. Соломина, воплотившего экранный образ В. Арсеньева, «Дерсу действительно научил одной простой истине: природа — это не стихия, это — дом, в котором нужно научиться жить».¹⁶ В. Арсеньев вспоминал: «Словно в кинематографе, передо мною вставали картины прошлого: первая встреча с Дерсу на реке Лефу, пурга на озере Ханка, встреча с тигром на Ли-Фудзине, лесной пожар на реке Сахнобе, наводнение на Билимбе, голодовка на Кулумбе...»¹⁷

В. Арсеньев познакомился с гольдом Дэрчу из рода Очжал (прототип Дерсу Узала) во время своей очередной экспедиции по Амуру. В течение нескольких лет опытный следопыт был верным спутником и проводником писателя в его исследовательских экспедициях по дебрям Уссурийской тайги. Их отношения превратились в настоящую дружбу, Дэрчу неоднократно спасал жизнь В. Арсеньеву. «Он положительно читал природу, словно книгу»,¹⁸ — восторгался ученый, говоря о туземце.

¹⁴ Возвращение Дерсу Узала. Владивосток, 2005. С. 57.

¹⁵ Там же. С. 35.

¹⁶ Там же. С. 79.

¹⁷ Арсеньев В. К. Указ. соч. Т. 1. С. 404.

¹⁸ Там же. С. 47.

¹² Арсеньев В. К. Собрание сочинений: в 6 т. Владивосток, 2007. Т. 1. С. 55.

¹³ АОИАК. Ф. 14. Оп. 6. Д. 112. Л. 142.

Именно во взаимодействии образованного русского путешественника-первопроходца — носителя городской цивилизации — и охотника-гольда — коренного жителя тайги — заложена динамика арсеньевского сюжета. Особенность творческого почерка В. Арсеньева — соединение научно достоверного и глубоко психологического материала. В результате произведение «Дерсу Узала», документальное в своей основе (исследовательские дневники), обретает художественный формат и становится литературным романом. В основе романа — универсальные по своему характеру смыслы (диалог человека и природы, человека и человека) — сюжеты, близкие и понятные людям разных времен, культур и возрастов. Не случайно этот роман стал знаковым произведением для коренных народов Дальнего Востока (нанайцев, удэгейцев, орочей). В образе Дерсу внешнему миру открывался благородный облик «лесных людей». На страницах романа демонстрировались яркие примеры взаимовыручки и дружбы представителей разных культур на основе общечеловеческих ценностей.

Линии осмысления дальневосточного «фронтира» в творчестве В. К. Арсеньева

Обращаясь к творчеству В. Арсеньева, в его литературных и научных трудах мы выделим несколько важных линий в осмыслении развития дальневосточного края: «природную», «этнокультурную», «переселенческую», нарратив «окраинности». Продуцируемые в их рамках образы Дальнего Востока являются ценностно нагруженными и имеют эмоциональную размерность. Представляется, что выделенные линии осмысления Дальнего Востока в трудах В. Арсеньева можно охарактеризовать как факторы структурного порядка, которые поддерживают функционирование и воспроизводство в его работах особого фронтирного дискурса. Рассмотрим их более подробно.

Прежде всего, в формировании фронтирного дискурса активно участвуют литературные нарративы В. Арсеньева, связанные с рефлексией автора над природной «исключительностью» края. Горы, леса, реки, моря — эти естественные рубежи вообще являются центрами притяжения любых фронтирных территорий. «Природная» линия в творчестве В. Арсеньева основана на нескольких базовых сюжетах, и одной из центральных тем здесь, безусловно, является тема Леса.

Согласно В. Арсеньеву, «Уссурийский край — это море лесов! Область, заключенная между рекой Амуром, рекой Уссури, Японским морем и Татарским проливом, представляет из себя страну, сплошь покрытую густыми лесами».¹⁹ В. Арсеньев пишет: «Нигде не дышится так легко, как в тайге! Я всегда преображаюсь среди лесов и не променяю их ни на один город на свете. Да разве не клокочет и здесь жизнь? И травы, и птицы, и звери — ведь все это живет не менее интенсивно, чем мы с вами. Надо только понять эту жизнь и уметь наслаждаться ею. Горожанин не любит и не понимает природы; он боится ее, боится грома, холодного ветра, самого безобидного животного, вроде ужа или лягушки, боится дождя, жары, темной ночи — всего боится и перед всем дрожит. Среди природы он беспомощен, как ребенок».²⁰ И далее автор заключает: «Проникнуть в самую глубь тайги удастся немногим. Она слишком велика. Много тайн хранит в себе тайга и ревниво оберегает их от человека. Она кажется угрюмой и молчаливой. Таково первое впечатление. Но кому случалось поближе с ней познакомиться, тот скоро привыкает к ней и тоскует, если долго не видит леса».²¹

Еще одной важной природной темой, в которой раскрывается для В. Арсеньева образ Дальнего Востока, является тема Гор. С высоты птичьего полета, как отмечает исследователь, Уссурийский край представляется «горной страной, в большей своей части покрытой древесной растительностью».²² В. Арсеньев пишет: «Уссурийский край — это царство гор! Если подняться на гольцы Сихотэ-Алиня, чудная горная панорама открывается взору наблюдателя. Всюду лес — бесконечный лес, всюду горы — бесконечные горы! Разнообразные острые и тупые вершины их поднимаются до самого горизонта».²³ В рассказе «Путешествие на молчаливые горы» он отмечает: «Высокие громады, молчаливо поднимающиеся кверху, хаотически нагроможденные глыбы у подножья их, заваленные буреломом, и лес, полный таинственной тишины, — создавали картину мрачную и дикую. Когда над скалой проходило облако, то казалось, будто оно стоит на месте, а скала движется, наклоняется и вот-вот с страшным шумом опрокинется вниз.

¹⁹ Арсеньев В. К. Указ. соч. 2011. Т. 2. С. 108.

²⁰ Там же. С. 35.

²¹ Там же.

²² АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 64. Л. 3.

²³ Арсеньев В. К. Указ. соч. 2012. Т. 3. С. 69.

Какое-то особое напряжение чувствовалось в этих камнях, принявших столь странное очертание. Многие века прошли мимо, а скалы и поныне стоят незыблемо, как бы окарауливая сопки, и потому нарочно забрались так высоко».²⁴

Наконец, природное своеобразие Дальнего Востока немыслимо без Моря, которое, согласно анимистическим законам, постоянно «дышит». В произведении «Жизнь и приключение в тайге» В. Арсеньев пишет: «Величественная картина — грозный вид! Одна за другой с белыми гребнями огромные волны с ревом налетают на берег, заливают всю полосу прибоя, снова скатываются назад и в отступательном течении своем с рокотом увлекают булыжник. Новая волна, встреченная отливным течением предыдущей, сразу вспенивается, как кипяток в котле, вновь бросается на берег и вновь разбивается о камни. И так без конца в течение многих веков. Каким ничтожным, маленьким, беспомощным чувствует себя человек перед такой стихийной силой природы. В такие мгновения в нем нет эгоистического гордого самомнения и самонадеянности, и в голове его в это время не шевельнется мысль назвать себя царем природы!»²⁵ Царство Моря рождает, согласно В. Арсеньеву, у человека особое жизненное чувство. В «Дерсу Узала» он пишет: «Безбрежный океан, сонная земля и глубокое темное небо с миллионами неведомых светил одинаково казались величественными. В такие минуты человек облагораживается и как бы входит в общение с Богом. Этого нельзя передать словами — это надо перечувствовать <...> Я чувствовал себя легко и понимал, что счастье заключается не в накоплении богатств, а в здоровье, свободе и в тесном общении с природой».²⁶

Вторая линия осмысления Дальнего Востока как «фронтирной» земли неразрывно связана в творчестве В. Арсеньева с этнокультурной неоднородностью края. «На Дальнем Востоке, — отмечает он, — в настоящее время проживает 22 туземных народности; кроме того, здесь имеются представители народностей европейских; здесь же живут китайцы, корейцы и японцы — всего, следовательно, 36 народностей, а кроме того, есть несколько видов (до шести) метисов; всего 42 этнические

единицы».²⁷ Этническая, конфессиональная, хозяйственная гетерогенность — яркая черта фронтирных территорий, на которых «движение народов подобно движению волн по земной поверхности...»²⁸ Доминантный этнос имеет отношение к «имперской» государственности и демонстрирует культуртрегерские позиции; другие же этнические группы в русле колониального дискурса маркируются как «примитивные сообщества». В. Арсеньев пишет: «Мы видим всюду одну и ту же картину: в движении своем более сильные народы теснили слабых и в конце концов загнали этих слабых на полуострова и острова. Эти сколки с наковальни человечества сохранились и по сие время. Является такое впечатление, что они с неба свалились...»²⁹

У самого писателя отношение к коренным народам края неизменно характеризуется вниманием, симпатией и участием. В образе жизни туземцев, в их мировоззрении исследователь видит следование гуманистическим ценностям. В работе «По Уссурийскому краю» он пишет: «Каждый раз, когда я оглядываюсь назад и вспоминаю прошлое, передо мной встает фигура Дерсу Узала, ныне покойного... Это был отличный охотник и удивительный следопыт. Он положительно читал следы как книгу и в строгой последовательности восстанавливал все события... <...> Каким тяжелым трудом, ценой каких лишений добывал себе этот человек средства к жизни?! Но тотчас я поймал себя на другой мысли: если бы этот зверолов мог понять, что наша хваленая европейская культура основана на эксплуатации одних людей другими, он наверное не согласился бы променять на нее свою свободу».³⁰ И далее автор размышляет: «Забота о путнике!.. Отчего же у людей, живущих в городах, это хорошее чувство, это внимание к чужим интересам заглохло, а оно, несомненно, было ранее. Дерсу заботился о неизвестном ему человеке, которого он никогда не увидит и который тоже не узнает, кто приготовил ему дрова и продовольствие. Этот дикарь был гораздо человеколюбивее, чем я».³¹

Наряду с природными и этнокультурными сюжетами, в описании Дальнего Востока для

²⁴ АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 58. Л. 4-5.

²⁵ Арсеньев В. К. Указ. соч. Т. 3. С. 99.

²⁶ Там же. Т. 1. С. 511.

²⁷ Хисамутдинов А. А. «Впервые осветил географию многих мест»: В. К. Арсеньев и его исследования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 3 (42). С. 45.

²⁸ Арсеньев В. К. Указ. соч. Т. 3. С. 550.

²⁹ АОИАК. Ф. 14. Оп. 6. Д. 52. Л. 23.

³⁰ Арсеньев В. К. Указ. соч. Т. 1. С. 47.

³¹ Там же. С. 64.

В. Арсеньева оказывается важной переселенческой темой. Фронтальная территория — это, по определению, «контактная зона», имеющая ярко выраженный переселенческий характер с конфликтным взаимодействием «фронтирующих» групп.³² Говоря о людях, живущих на Дальнем Востоке, В. Арсеньев разграничивает типы «переселенцев» и «колонистов». Он пишет: «Задачи колонизации заключаются, прежде всего, в устройстве тех людей, которые уже живут на местах и сумели освоить такие ресурсы страны, как тайга и тундра. На втором месте должны стоять те колонисты, которые без всякой помощи со стороны правительства по собственной инициативе, на свой страх и риск идут в новые неведомые им земли, ясно представляя себе, что они хотят и где останутся. У них нет прошлого — есть только будущее. Примером таких колонистов могут служить староверы, образовавшие известную часть населения Дальнего Востока. Третье место отводится переселенцам, которых правительство привозит за свой счет, субсидируя денежными и материальными суммами, и в дальнейшем заботится об их благополучии... У переселенцев нет будущего — у них есть только воспоминания о прошлом. Колонист — человек сильный духом, энергичный и одаренный инициативой, переселенец — на много лет стипендиат государства».³³

В условиях фронта не только колонист преобразует дикую местность, но и дикая местность подчиняет его себе. По словам исследователя, «большинство великороссов, прибыв сюда из лесистых северных губерний, стали не Край приспособлять к себе, а сами старались приспособиться к новым условиям жизни. В этом отношении лучше всего сумели устроиться староверы в Уссурийском крае. Они занимаются земледелием... затем поиском ценных руд, охотой и соболеванием, разводят пятнистых оленей, ищут жень-шень, ловят и солят рыбу».³⁴

При выраженной социокультурной и этнической интеграции инородцев в зоне фронта их полной ассимиляции все-таки не происходит. В описании населения Владивостокского округа (1929) В. Арсеньев дает подробную характеристику народностей края, сохраняющих ярко выраженные культурные

основания своей самобытности. В его дневниках, например, китайцы характеризуются как «люди развитые, с философским складом ума, предприимчивые, энергичные, гордые своей многовековой цивилизацией, а потому — и малопокладистые».³⁵ При этом исследователь отмечает и монопольные торговые предпочтения китайцев в крае. Основное же качество корейцев, по В. Арсеньеву, — «стремление и готовность всегда прийти на помощь ближнему... Они не способны властвовать над кем-либо и сами подпадают под власть сильнейшего... Они не любят жить скученно, и деревня их совсем не напоминает русскую»³⁶ и т. п.

Наконец, фронтальная территория отличается «окраинным» («украинным») геополитическим расположением, удаленностью от мировых центров и от зон устойчивого исторического влияния европейской цивилизации. Фронт — нежелательное место для пребывания чиновников и представителей власти. Здесь отсутствует полный контроль за территорией со стороны государства и всегда сохраняются проблемы с законом и управлением. В. Арсеньев отмечает: «Сам по себе Уссурийский край — полупустынная страна, неустроенная и слабо заселенная. Здесь в пограничной полосе на 1 кв. км обжитой площади приходится 8 чел., а на 1 кв. км всей площади — 1,4 чел. Поэтому нет ничего удивительного, что страна эта едва держится под напором с разных сторон китайцев, корейцев, японцев... Надо помнить, что перед нами огромные народные массы: однородные, трудолюбивые, объединенные одинаковой религией, азбукой, обычаями, платьем и в течение многих тысячелетий выковывавшие свою культуру. С нашей стороны этим однородным 576 млн (1/3 населения земного шара) противопоставляется 572 тыс. чел., столь разнообразных по своему этническому составу».³⁷

Следует отметить, что в арсеньевском фронтальном дискурсе не только фиксируются ключевые особенности края, но и дан прогноз его будущего развития. В этом отношении фронтальный дискурс предстает как «проективный», в нем содержится авторский взгляд относительно перспектив развития дальневосточной территории. В «Дерсу Узала» В. Арсеньев резюмирует: «...Недалеко уже то время, когда от первобытной девственной тайги

³² См.: Кабузан В. М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII — начало XX века). Хабаровск, 1976.

³³ АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 64. Л. 4.

³⁴ Там же. Л. 121.

³⁵ Там же. Л. 26.

³⁶ Там же. Л. 40–45.

³⁷ Там же. Л. 16.

и следа не останется. Исчезнут звери, широкие дороги прорежут леса, и там, где раньше ревел тигр, будет свистеть паровоз. Край начал утрачивать свою оригинальность и претерпевать то превращение, которое неизбежно несет за собой цивилизация».³⁸ И далее, не без сожаления, он добавляет: «Таким пионерным экспедициям, как мои, имеющим цель естественно-историческую, пришел конец. Они более не повторятся. Век идеализма и романтизма кончился навсегда. На смену нам, старым исследователям и путешественникам, пришли новые люди... с эгоистическим складом характера и материалистическим мировоззрением. Они займутся обследованием этой территории по специальным заданиям: для проведения железной дороги, для рубки и сплава леса, добычи полезных ископаемых, постройки какого-нибудь завода и т. д.».³⁹ Тем самым В. К. Арсеньев подводит своеобразный итог исследовательского периода освоения фронтального края как *terra incognita*, справедливо связывая развитие Дальнего Востока в XX в., прежде всего с цивилизационной индустриальной линией.

Таким образом, термин «фронтальный дискурс» как практика самоописания пограничных территорий может быть эффективно проанализирован, опираясь на идеи, сформулированные Дж. Ф. Тернером и М. Фуко. Выделенные в статье линии осмысления Дальнего Востока в совокупности позволяют охарактеризовать представленный в творчестве В. К. Арсеньева дискурс о Дальнем Востоке именно как

фронтальный. Анализ литературных произведений и дневников писателя, визуально-антропологических материалов, связанных с его деятельностью (схемы, чертежи, фотографии, кино), показывает, что Дальний Восток в арсеньевском наследии предстает как край, расположенный в зоне «встречи культур», отмечающийся своей природной исключительностью, этнокультурной неоднородностью, переселенческим характером и нарративом «окраинности». В качестве базовых сюжетов, разрабатываемых В. К. Арсеньевым как в научных исследованиях, так и в литературных произведениях, оказываются темы, связанные с природным и этнокультурным разнообразием края («Лес», «Горы», «Море», «Дерсу Узала», «Переселенцы», «Пограничность»). Сама фигура писателя выступает в качестве очень значимого для региона субъекта конструирования локальной идентичности. Судя по популярности арсеньевских литературных произведений, по широкой распространенности имени писателя в топонимике и культурных объектах края, созданные В. К. Арсеньевым в первой трети XX в. образы дальневосточной территории и в настоящее время во многом поддерживают особую идентичность жителей Дальнего Востока, выступают формами ее вербальной и визуальной репрезентации и одновременно формируют особый нарратив о крае. В контексте историко-культурного развития Дальнего Востока имя В. К. Арсеньева и фронтальный дискурс, сформулированный им, по-прежнему являются прочным основанием, порождающим особый художественный образ края, культурный бренд и народный миф о Дальнем Востоке.

Ivan A. Golovnev

Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (Russia, Saint-Petersburg)
E-mail: golovnev.ivan@gmail.com

Elena V. Golovneva

Candidate of Philosophical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: golovneva.elena@gmail.com

A FRONTIER DISCOURSE IN THE WORKS OF V. K. ARSENIYEV

The article in the methodological way reveals the term “frontier discourse” and demonstrates the opportunities of its application towards Vladimir Arseniev’s works. The scientific and literary texts of Vladimir K. Arseniev (1872–1930), a traveller, writer and researcher of the Far East, author of the bestseller “Dersu Usala”, have long been an important source for constructing the image of the Far East as a “remote” region of the Russian Empire and the USSR and as a peculiar frontier zone. Using

³⁸ Арсеньев В. К. Указ. соч. Т. 1. С. 517.

³⁹ Там же. Т. 3. С. 15.

the frontier methodology, the writer's literary texts and unpublished archival data (field diaries, author's pictures, photo, and documentary), the authors emphasize the key ideas of Arseniev's works as well as analyze his activity in the sphere of literature and cinematography. In the writer's works, the Far East appears as a region marked by a complex of ideas combining pictures of nature, ethnic diversity, colonists and a frontier zone. The foundations and context of frontier discourse in Arseniev's biography are shown, the Arseniev's basic topics in literary texts ("Forest", "Mountains", "Sea", "Dersu Usala", "Colonists", "Frontier") are defined. The outlined topics are considered to be structural factors, a base for reproduction of the frontier discourse about the Far East.

Keywords: *frontier, discourse, image of territory, Far East, V. K. Arseniev*

REFERENCES

- Argudyaeva Yu. V. *V. K. Arsen'yev — puteshestvennik i etnograf. Russkiye Priamur'ya i Primor'ya v issledovaniyakh V. K. Arsen'yeva: materialy, kommentarii* [V. K. Arseniev — traveler and ethnographer. Russians of the Amur River region and Primorskii krai in the studies of V. K. Arseniev: materials, comments]. Vladivostok: DVO RAN Publ., 2007, 272 p. (in Russ.).
- Aristov F. F. [V. K. Arseniev (Ussuriisky)]. *Dal'niy Vostok* [Far East], 1974, no. 9, pp. 127–136. (in Russ.).
- Basalaeva I. P. [Criteria for frontier: statement of the problem]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2012, no. 2, pp. 46–49. (in Russ.).
- Golovnev I. A. ["Forest People" — the phenomenon of the Soviet ethnographic cinema]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Etnograficheskoe obozrenie], 2016, no. 2, pp. 83–98. (in Russ.).
- Golovnev I. A. [Vladimir Arseniev and Cinema]. *Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya* [Ojkumena. Regional Researchers], 2017, no. 3 (42), pp. 50–64. (in Russ.).
- Golovneva E. V., Martsishina N. I. ["Owning the East": the image of the region as constructed in the works of Vladimir K. Arseniev]. *Sibirskiy istoricheskiye issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2018, no. 1, pp. 200–218. (in Russ.).
- Govorukhin G. E., Yarulin I. F. [Far East: History of development and history of loss (sociological approach)]. *Vestnik Tikhoookeanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Pacific National University], 2009, no. 1 (12), pp. 155–162. (in Russ.).
- Kabuzan V. M. *Kak zaselyalsya Dal'niy Vostok (vtoraya polovina XVII — nachalo XX veka)* [How the Far East was settled (second half of the 17th — early 20th century)]. Khabarovsk: Khabarovskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1976, 200 p. (in Russ.).
- Khisamutdinov A. A. ["First time studied the geography of many places": V. K. Arsenyev and his researches]. *Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya* [Ojkumena. Regional Researchers], 2017, no. 3 (42), pp. 36–49. (in Russ.).
- Khisamutdinov A. A. [The private library of V. K. Arsenyev]. *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science (Russia)], 2016, no. 65 (3), pp. 308–313. (in Russ.).
- Myasnikova L. A. [Cultural geography: a culturological and philosophical turn in territory studies methodology]. [Bulletin of the Humanitarian University], 2016, no. 2 (13), pp. 100–105. (in Russ.).
- Tarasova A. I. *Vladimir Klavdiyevich Arsen'yev* [Vladimir Klavdievich Arseniev]. Vladivostok: DVFU Publ., 2012, 412 p. (in Russ.).